

25 января (7 февраля)

Священномученик
Владимир (Богоявленский),
митрополит Киевский

Священномученик Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский) родился 1 января 1848 года в селе Малая Моршка Моршанского уезда Тамбовской губернии в семье священника. По некоторым сведениям, мальчик рано узнал сиротство, так как отец его был убит и сына воспитывала мать. Отличительной чертой характера мальчика была застенчивость, и эта черта сохранилась у него на всю жизнь. Впоследствии, в связи с его высоким положением, она только еще более развилась, так как он оказался поневоле окружен обманом и лицемерием, когда окружающие, по большей части люди ему подчиненные и от него зависимые, искали не истины, а выгоды. Оттого, не успев завести близких и единомысленных людей, когда еще не занимал высокое положение, он уже не смог сделать этого позднее и всю оставшуюся жизнь нес бремя одиночества. Дружество и единомыслие он мог бы найти в среде делателей, проходящих с ним одно поприще, но при замкнутом и застенчивом характере, доверяя в значительной степени только себе, он был вынужден вникать в каждое дело сам, ограничивая таким образом дело своим кругозором.

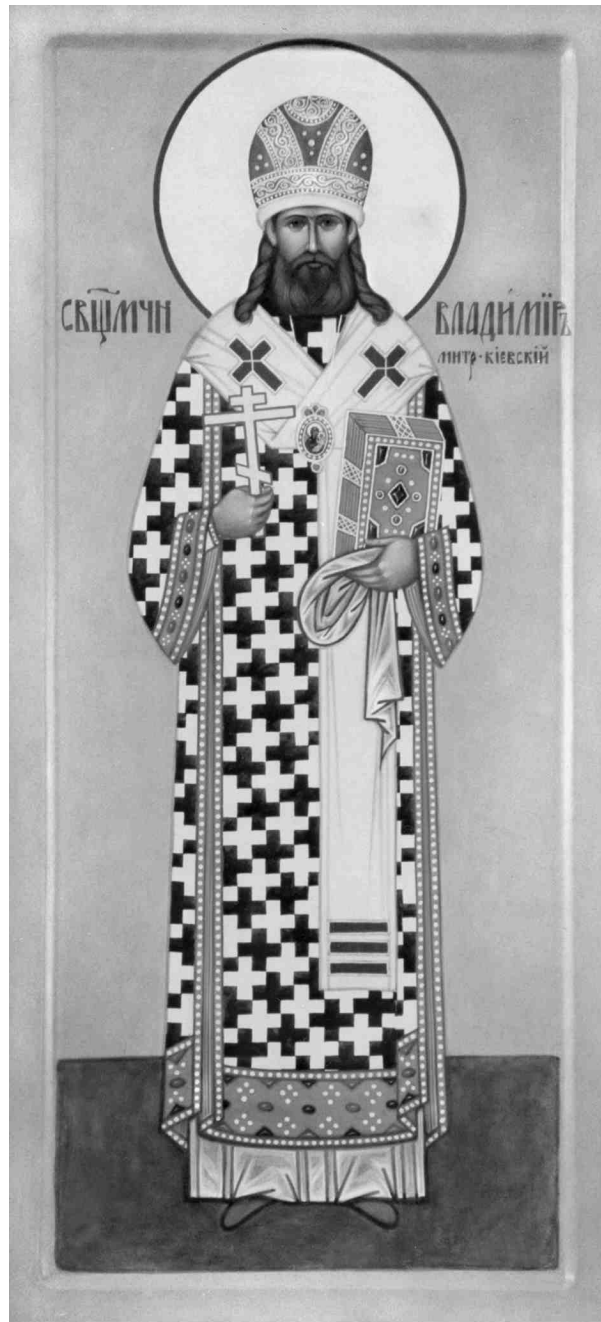
Священномученик Владимир родился и прожил детские годы в эпоху, когда русская жизнь была омрачена крепостным правом, а в духовных училищах и семинариях царили порядки бурсы. Только собственное мирное, от Бога данное устройство отрока Василия и его блестящие способности, делающие и само учение увлекательным, помогли ему преодолеть недостатки тогдашней школы, о которой у него остались посему самые благоприятные воспоминания. Низшее и среднее образование Василий получил в Тамбове. Окончив Тамбовскую Духовную семинарию, он, как подающий большие надежды, способный студент, был направлен для продолжения образования в Киевскую Духовную академию и, сдав приемные экзамены, был зачислен на первый курс.

Своей специализацией в академии Василий выбрал церковно-практическое отделение, на котором преподавались словесность, история иностранной литературы, гомилетика, каноническое право, литургика. В то время в академии преподавали многие выдающиеся ученые, которые оказали плодотворное воздействие на одаренного студента, послужив его нравственному и умственному совершенствованию. Всего на курсе вместе с Василием Богоявленским училось тридцать два человека, из которых некоторые стали заметными научными деятелями. С этого курса вышли три профессора Духовной академии, один профессор историко-филологического института, заслуженный преподаватель Духовной семинарии Н.Н. Щеглов и священномученик, пострадавший в тот же год, что и митрополит Владимир, протоиерей Неофит Любимов.

В академии вполне выявился характер Василия как человека деликатного, выдержанного и тактичного. Он не любил ссор, колких разговоров и страстных споров. Бывали случаи, когда раздраженные горячим спором студенты готовы были дойти до взаимных оскорблений, и тогда Василий вмешивался в спор и примирял их.

Уже на первом курсе обнаружили его выдающиеся способности. Как

студент он отличался примерным трудолюбием и прилежанием, исправно посещая все лекции наставников. Его сочинение по словесности заслужило самые высокие похвалы преподавателя и показало нерядовое знакомство с иностранной литературой по изучаемому вопросу. Среди товарищей по академии Василий с самого начала отличался проповедническими дарованиями, стяжавшими ему впоследствии заслуженную популярность.

Священномученик Владимир

На третьем курсе им было написано кандидатское сочинение на тему «О праве церковного отлучения».

Когда Василий учился на четвертом курсе, было предложено избрать его кандидатом на вакантную кафедру церковнославянского языка и славянских наречий и отправить в заграничную командировку для практического изучения славянских наречий. Мнения преподавателей, однако, разделились, и был послан

другой, не менее достойный кандидат.

По окончании в 1874 году академии Василий Никифорович прочел несколько пробных лекций на темы: «Ориген – его жизнь и проповеди», «Эпитимии, понятия о них и качества их», «Понятие о литургии и ее задаче; научная постановка литургии; отношение литургии к другим богословским наукам», после чего был назначен преподавателем гомилетики, литургии и каноники в Тамбовскую Духовную семинарию. 26 мая 1875 года Василий Никифорович, согласно своему прошению, был переведен на должность преподавателя Священного Писания. В это же время он преподавал в семинарии немецкий язык, а в епархиальном женском училище и в женской гимназии географию. О преподавательской его деятельности бывшие питомцы вспоминали, что Василий Никифорович был строг, требовал от семинаристов, чтобы они знали предмет, но личное общение его с ними было отечески простое.

В 1882 году Василий Никифорович женился. 31 января 1882 года епископ Тамбовский и Шацкий Палладий (Ганкевич) рукоположил его во священника к Покровской соборной церкви города Козлова. В этом же году он был избран депутатом от духовенства города на епархиальный съезд. В 1883 году отец Василий был назначен благочинным церковей города Козлова и настоятелем Троицкой церкви. Для паствы города он явился замечательным проповедником, ревностным хранителем древнерусских устоев жизни и противником модных теорий, разрушающих семью. Однако Промысл Божий изменил течение жизни отца Василия: от туберкулеза скончалась его супруга, а затем умер и единственный ребенок.

8 февраля 1886 года в Тамбовском Казанском монастыре отец Василий был пострижен в мантию с именем Владимир. На следующий день он был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Козловского Троицкого монастыря. 6 октября 1886 года архимандрит Владимир был назначен настоятелем Антониева монастыря в Новгороде и членом Новгородской духовной консистории.

13 июня 1888 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге архимандрит Владимир был хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. В слове на наречение он вполне выразил свое представление об архиерейском служении.

«Приемлющий на себя это служение, – сказал он, – должен принимать это как талант, вручаемый ему Господом, при условии возвращения с лихвою и под страхом в противном случае быть вверженным в кромешную тьму; должен принимать его как служение раба, поставленного разделять верно и благовременно евангельскую пищу домохадцам Господина, опасаясь за неверность и нерадение быть рассеченным (Мф. 24, 45-51); должен принимать его как чреду пастыря словесных овец, с обязанностью водить их на пажити добрые и защищать от волков, не щадя себя самого, чтобы не впасть в суд нерадивого наемника; должен принимать его как пост стража людей Господних, чтобы немолчно возвещать им о всякой опасности и неусыпно блюсти их спасение, со страшной ответственностью платить своей кровью за кровь каждой души, погибшей от его беспечности. Какой великий подвиг, какое тяжкое бремя для сил человеческих, не говоря уже о собственной немощи!»

После хиротонии, по обычаю того времени, новопоставленный епископ устроил обед, на который был приглашен митрополит Санкт-Петербургский Исидор (Никольский). Среди других приглашенных был известный славянофил,

человек, глубоко интересовавшийся церковными делами и вопросами, генерал Киреев. После обеда епископ Владимир вышел вместе с генералом, и тот спросил его: «Сколько вам лет, владыко?» – «Сорок лет», – ответил епископ. Генерал вздохнул, задумался и сказал: «Ах, много ужасного увидите вы в жизни Церкви, если проживете еще хоть двадцать пять лет». Эти слова генерала-славянофила владыка помнил всю жизнь и относился к ним, как к пророчеству, а с приближением смутного времени со все большей серьезностью и скорбью их вспоминал.

Сразу же при начале своего архипастырского служения в качестве викария епископ Владимир стал предпринимать меры, чтобы расширить круг деятельности священнослужителей и активных мирян. Как архиерей, он стал председателем Братства Святой Софии Премудрости Божией, которое занималось широкой издательской и просветительской деятельностью. 16 октября 1888 года епископ положил начало внебогослужебным беседам в Софийском кафедральном соборе по воскресным дням после вечерни и чтения акафиста Иисусу Сладчайшему.

Показывая духовенству пример пастырского служения, владыка требовал такого же направления деятельности и от своих подчиненных, и в 1890 году, вполне ознакомившись в течение двух лет с положением дел в викариатстве, он издал следующее распоряжение: «В видах пробуждения от нравственного усыпления беспечных чад Православной Церкви необходимо побудить духовенство епархии к усилению своей пастырской бдительности, вменив ему в обязанность усилить проповедь и молитвенные упражнения, отправлять по воскресным дням торжественные вечерни, читать акафисты и вести внебогослужебные беседы о предметах веры и нравственности».

Характеризуя по прошествии десятилетий его деятельность в Новгороде, митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) писал: «На нем исполнились слова святого апостола Павла: *духом горяще, Господеви работающе* (Рим. 12, 11). Он действительно горел духом, пламенел ревностью по Дому Божию, которая снедала его. Эта ревность выражалась прежде всего в неустанном проповедовании слова Божия. Самая манера его проповедования свидетельствовала об этом горении духа. Слабый, болезненный телом, с тихим голосом, он во время произнесения проповедей преображался, воодушевлялся, голос становился крепким, и силою горячего слова он пленял умы и сердца слушателей. Будучи сам усердным служителем слова Божия и проповедником, он и пастырей Церкви побуждал проповедовать...» «Новгородцы вспоминали о нем как о выдающемся проповеднике, архипастыре кротком, доступном для всех».

19 января 1891 года епископ Владимир был назначен на Самарскую кафедру, где он стал пятым архиереем с момента образования Самарской епархии.

Епископ Серафим (Александров) вспоминал о времени служения владыки в Самаре: «Это был святитель, поражающий нас, молодых служителей Церкви, своей великой любовью к благолепной службе Божией, усердием к делу проповеди... Народ вспоминал служения его десятки лет, и высшей от народа похвалой служителям Церкви бывали слова: “Ты служишь, как Владыка наш Владимир”...

Замечательна его простота, при видимой суровости и замкнутости, в обхождении и приеме простецов-крестьян, с которыми он вступал при обозрении церквей в беседы, заходя и к старосте-крестьянину так же, как и к знатному лицу.

Великой любовью и ревностью о воспитании детей в преданности заветам Христа, Уставам и Преданиям Церкви горел святитель, насаждая церковные школы во вверенной ему епархии, умело подбирая для этого дела сотрудников себе.

В заботах о спасении вверенной ему паствы, памятуя, что имеет и иных овец, не от двора Церкви, коих подобает ему привести ко Христу, он первый из Самарских архипастырей возбуждает пред высшей церковной властью ходатайство об открытии миссии, заботясь дать ей лучшее направление и понимая под миссией широкое служение Церкви Божией...

Сам присутствует на народных чтениях и беседах, выступая всегда с живым словом, заботясь о процветании и развитии деятельности Братства имени святителя Алексия. В годы стихийных бедствий, охвативших Самарскую епархию... он является истинным печальником народным. Для борьбы с голодом открывает комитеты, при храмах и монастырях организует столовые для бедноты, а в школах – для детей, рассылает воззвания о помощи, посылает в Петроград образцы “голодного” хлеба... Он и тогда, более 25 лет тому назад, для блага народного, в известные холерные бунты, когда власть терялась, первый пошел к народу с крестом в руках, вразумляя народ, призывая к молитве и благоразумию, первый обошел холерные бараки, благословляя больных и призывая к подвигу служения больным здоровых».

Для привлечения в храмы детей владыка в день памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия 11 мая 1891 года пригласил в собор всех учащихся и учащих. Начальники учебных заведений вначале не поддержали владыку, и в первый год проведение этого праздника не удалось. Но архипастырь не отступил от своего благого намерения. Перед наступлением праздника в следующем году он обратился во все городские инстанции, ведающие народным образованием, и в этот год этот общешкольный праздник состоялся вполне. С утра весь собор был заполнен детьми и учителями.

Епископ большое значение придавал церковному образованию, и благодаря его заботам было открыто около ста пятидесяти церковноприходских школ. «Обязанность учить детей издревле лежала на духовенстве, – не уставал повторять владыка, – и оно постоянно выполняло этот священный долг с беззаветной преданностью. Главное – необходимо внушать детям страх Божий. Но вместе с тем необходимо помнить, что изучение это должно совершаться сердцем, а не одним только умом, а это достигается через научение детей молитве в самом раннем возрасте, еще до поступления в школу».

В Самаре владыка положил начало внебогослужебным чтениям, на которых слушателям предлагались повествования религиозно-нравственного содержания из духовных журналов и книг или личные наставления священников. Такие чтения совершались в разных храмах поочередно. Епископ Владимир совершал вечерню с чтением акафиста, затем вступительным словом открывал само чтение, которое продолжал приходской священник, а владыка садился на последнюю скамейку и оставался здесь до конца. Со временем ему удалось привить народу любовь к этим чтениям, и люди уже заранее спрашивали, «где будет читать владыка акафист».

Главную цель деятельности основанного в Самаре религиозно-просветительского Братства имени святителя Алексия владыка видел в религиозно-нравственном просвещении народа, в улучшении церковно-школьного дела, в поддержании воскресных школ и снабжении их учебниками и

учебными пособиями бесплатно, или по низким ценам, или в кредит, в содействии увеличению числа церковноприходских библиотек, для чего организовывалась выписка и доставка книг от издателей и книготорговцев.

Для интеллигенции владыка открыл в здании Городской Думы бесплатные чтения религиозного содержания, проходившие в вечернее время и охотно посещавшиеся всеми сословиями. Число посетителей бывало иной раз столь значительно, что зал Думы не вмещал всех присутствующих, и тогда они заполняли хоры и прилегающие к залу комнаты.

В 1892 году Самарскую губернию поразили два бедствия: голод от неурожая и разразившаяся после него эпидемия холеры. Владыка учредил епархиальный комитет для сбора средств и раздачи пожертвований. По указанию владыки такие комитеты были учреждены во всех уездных городах епархии. Он дал специальное указание духовной консистории об отчислении церковных средств на помощь голодающим. По его благословию были составлены списки лиц, прежде всего духовного звания, а затем других сословий, нуждающихся в первоочередной помощи. При монастырях и богатых приходах были открыты столовые и чайные для бедняков, всех учащихся кормили бесплатно.

Во время эпидемии холеры владыка стал устраивать на площадях Самары общенародные молебствия перед чтимым образом Смоленской иконы Божией Матери об избавлении народа от губительной болезни. В своих проповедях владыка призывал жителей города оказывать помощь больным. «Призрение за больными – это одно из таких добрых дел, которые никогда не останутся без награды», – говорил он. Епископ сам посещал лазареты, ободряя и утешая больных словом и совместной молитвой. Когда эпидемия достигла таких размеров, что на холерном кладбище стали хоронить одновременно сотни людей, владыка стал служить здесь панихиды о новопреставившихся. В конце концов эпидемия пошла на спад и прекратилась, что многие приписывали деятельности и молитвам владыки.

После окончания эпидемии люди стали скорбеть о своих умерших родственниках, в особенности же о том, что они почивают за городом, вдали от храма Божьего, и епископ тогда объявил, что на этом кладбище будет совершена вселенская панихида обо всех умерших в Самаре во время эпидемии, и сам возглавил служение.

Однако, только лишь отступили скорби, причина которых часто кроется в грехах человеческих, как люди снова принялись за совершение тех же грехов. В день Усекновения главы Иоанна Предтечи владыка совершил молитву о всех преставившихся, затем на площадь перед собором была принесена из Преображенской церкви Смоленская икона Божией Матери и отслужен молебен, в конце которого епископ сказал: «К сожалению, едва только удаляется от нас гнев Божий, жизнь города начинает уже опять принимать тот вид, какой она имела до болезни: храмы Божии снова пустеют, площади града опять оглашаются бесчинными плясками, бесстыдными песнями».

18 октября 1892 года епископ Владимир был назначен экзархом Грузии с возведением в сан архиепископа Карталинского и Кахетинского.

Во время прощания в крестовую церковь к владыке сошлись богомольцы со всего города, в храме собралось так много народа, что нечем было дышать. По окончании всенощного бдения владыка вышел на амвон и сказал: «Вы слышали, что я уезжаю от вас...» Плач присутствующих в этот момент заглушил его слова, и, подождав несколько минут, он продолжил: «Далек и небезопасен мой путь,

тяжелые труды предстоят мне; да поможет мне Господь Бог и святая Нина – просветительница Грузии! Прошу вас: молитесь обо мне, – мне это теперь всего нужнее! Я же, со своей стороны, никогда не забуду в своих молитвах моего “первенца” – паству Самарскую. Если я кого чем обидел ненамеренно делом или словом – простите меня, как и я прощаю вас! Да благословит вас Господь!»

И владыка до земли поклонился народу, и все присутствующие в церкви земно ему поклонились. Затем каждый с земным поклоном стал подходить под благословение.

Прощание с архипастырем продолжалось в течение трех дней. В последний день владыка совершил богослужение в кафедральном соборе и в своем слове, обращаясь к пастве, сказал: «Боже мой! На мои рамена предстоит принять подвиг, под бременем которого изнемогали и сильнейшие меня! После малой ладьи, которой управлял я доселе, мне вручается управление большим морским кораблем. О, какое умение, какая опытность должна быть у кормчего, который призывается вести духовный корабль по волнам житейского моря, среди скал и подводных камней, в опасении нападения духовных разбойников!»

По пути на место своего нового служения в Тифлис архиепископ ознакомился с нуждами, бытом паствы и пастырей и состоянием храмов. В огромной вверенной попечению владыки епархии дела обстояли далеко не благополучно, и, кроме распространившегося повсеместно порока пьянства, на Кавказе нашли себе приют множество сект, процветало язычество и своекорыстный национализм.

Прибыв в Тифлис, архиепископ Владимир открыл во многих церквях города внебогослужебные религиозно-нравственные чтения. Для лучшей организации задуманного дела владыка сам посещал приходские храмы, служил в них акафисты и слушал проповедников.

Особое внимание архиепископ обращал на произнесение проповедей за богослужением. Сам являясь ревностным проповедником, он к проповедничеству призывал и духовенство города.

Владыка прилагал много усилий, чтобы поднять религиозно-нравственный уровень среди бедноты, где часто царило грубое невежество. Стараниями святителя в одном из беднейших районов города, Колючей Балке, был основан молитвенный дом во имя святителя Феодосия Черниговского и стали совершаться богослужения. Благодаря этому, многие из здешних жителей перестали проводить время в притонах, сократилось и количество увеселительных заведений. В помещении Тифлисской церковноприходской школы по воскресным и праздничным дням стали проводиться занятия для детей, населяющих этот район, не имеющих возможности посещать учебные заведения. Эти занятия посещали около сорока детей. Кроме общеобразовательных предметов, девочек здесь обучали рукоделию.

Благодаря усилиям архиепископа, раскольники, сектанты, монофизиты, католики и лютеране стали отдавать своих детей в православные церковноприходские школы. В церковноприходских школах и школах грамоты во время управления экзархатом архиепископа Владимира, кроме православных детей, обучалось 115 детей сектантов и раскольников, 80 – армяно-григориан, 13 – евреев, 32 лютеранина, 16 католиков и 7 мусульман.

Владыка придавал большое значение в воспитании народа церковноприходским школам. Во время пребывания его на Кавказе его трудами было открыто более трехсот церковноприходских школ и устроена духовная

семинария в Кутаиси. Он сам посещал эти школы, наблюдал за уровнем преподавания в них, проверял знания детей. Освящая новооткрытую церковноприходскую школу в селе Дигоми, владыка после освящения здания школы обратился к присутствовавшим со словом, в котором разъяснил, что существенное различие между церковноприходскими и «гражданскими» школами не во внешней, а во внутренней их организации, в их содержании. «В церковноприходских школах, – сказал владыка, – народное воспитание сообщается и воспринимается среди религиозной атмосферы, питается и оживотворяется последнею...»

Во время эпидемии холеры в Закавказье в 1893 году всецело проявились выдающиеся организаторские способности владыки. Получив 7 августа из комитета народного здоровья известие о том, что в последних числах июля обнаружены случаи заболеваний азиатской холерой в Тифлисе, архиепископ Владимир призвал все население города к общей молитве; и 15 августа, в день праздника Успения Божией Матери, состоялся крестный ход, прошедший по тем частям города, где обнаружили начатки эпидемии. Затем на площади был отслужен молебен и прочитана молитва, после которой владыка обратился к народу с такими словами: «Постигшая нас болезнь не есть дело случая, как могут думать некоторые. Это дело правосудия Божия, кара Всемогущего, бич Божий, простертый для нашего же испытания и отрезвления. В Священном Писании много примеров, уверяющих, что всегда Бог отводил в сторону Свой меч, направленный на человека, если только последний, заметив его, вразумлялся и старался избавиться от меча Божия».

По благословению архиепископа при кафедральном соборе была открыта бесплатная чайная для беднейшего населения Тифлиса; здесь же, в чайной, была организована читальня, где для желающих были разложены на столах различные книги и брошюры религиозного содержания.

В районе, населенном иноверцами, стараниями владыки был построен храм в честь Казанской иконы Божией Матери с залом для собеседований, в котором стали проводиться религиозно-нравственные беседы. При храме была открыта библиотека, и продавались церковно-богослужебные книги и иконы.

17 октября 1897 года архиепископ Владимир учредил Епархиальное духовно-просветительское миссионерское Братство, главной задачей которого стало распространение и утверждение в обществе истинных понятий о православной вере. Братство объединило все образованное духовенство и благочестивых мирян Тифлиса. Члены Братства стали устраивать внебогослужебные собеседования, беседы с сектантами, распространяли печатные брошюры и книги, устраивали библиотеки и читальни, Братство проводило крестные ходы с целью поднятия религиозного духа среди православного населения Тифлиса.

Благодаря владыке оживилась деятельность «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». Это общество при многих церквях организовало библиотеки из книг духовно-нравственного содержания на русском и грузинском языках. Много времени архиепископ проводил в поездках по сельским приходам и находящимся в самых глухих и отдаленных местах обителям, трудно доступным из-за горной местности. Благодаря его энергичной деятельности в различных местах экзархата было построено более ста новых храмов, возобновлены службы в недействовавших, восстановлен Мцхетский собор и Сапарский монастырь.

Это подвижническое служение архиепископа Владимира в Закавказье было омрачено многими искушениями и сопровождалось многими чинимыми его начинаниям препятствиями. Рисуя характер владыки и обстановку его церковной деятельности на Кавказе, протоиерей Иоанн Восторгов писал: «...я знал о том, какая ненависть окружала экзарха, какая царила клевета, направленная против него, и как тяжело было его положение среди грузинского клира. Впоследствии я убедился собственным горьким опытом, что российское прекраснотворение здесь, внутри России, всегда было склонно обвинять в обострении отношений к экзархам и вообще к представителям русского клира в Грузии – только самих русских. Нас всегда обвиняли в том, что мы сгущаем краски в изображении настроения грузинского клира, что задавленные грузины ищут только справедливого к ним отношения и уважения к их национальным особенностям, что мы отталкиваем их своей грубостью и тупым чванством, что ни о какой автономии и автокефалии грузины не только не помышляют, но и не знают... Здесь уже сказалось тогда, какой жизненный крест Бог судил нести... иерарху: полное одиночество. Одинок он был и без поддержки от высшего церковного управления, особенно от держащих власть высших чиновников церковного управления, которые всегда склонны были придавать значение всякой жалобе и сплетне, завезенной на берега Невы каким-либо приезжим грузинским генералом, или самой пустой газетной заметке, вопившей о горделивости и мнимой жестокости русской церковной бюрократии в Закавказье. Сколько я потом видел написанных в этом духе писем... [у] Победоносцева и Саблера, сколько было их запросов с требованиями объяснений и с неперменным и неизменным уклоном в одну сторону – в сторону доверия жалобщикам, которые сообщали иногда факты столь несообразные, нелепые и невозможные, что, казалось бы, сразу нужно было видеть, что здесь работает одна злоба и преувеличенное кавказское воображение. Нестыжливость, простота, всем известное трудолюбие, исправность во всем, даже, и по преимуществу, иноческое целомудрие – все в экзархе подвергалось заподозриванию и всевозможным клеветническим доносам...

Бывало так, что если пять человек просятся на одно место, а определить можно, конечно, только одного, то прочие четверо считали долгом писать на экзарха доносы в Синод, и большею частью совершенно без связи со своим делом. Помнится, один такой туземец принес жалобу в Синод, в которой, указывая место и точную дату времени, сообщал, что экзарх на приеме сначала ругал жалобщика, потом долго бил его кулаками, свалил на пол и бил ногами и затем, “запыхавшись, сам упал на диван”... А несчастный кроткий жалобщик мог только сказать: “Что с Вами, владыко?”

Экзарх, в объяснение на эту жалобу, ответил, что в то самое время, какое указано в жалобе, он вовсе не был в Тифлисе и в Закавказье, а как раз был в Петрограде, вызванный в Святейший Синод, и притом уже несколько месяцев. Победоносцев на объяснении написал: “Ну, это даже и для Кавказа слишком”, – и все-таки все подобные истории с жалобами и доносами тянулись без конца...

Помню 1895 год, июнь месяц, митрополит сидел в Синодальной конторе, рядом с ним за столом – архимандрит Николай (Симонов). Пришел в приемную десять лет назад лишенный сана за воровство и за доказанное гражданским судом участие в разбое бывший священник Колмахелидзе, по делу которого в свое время был следователем архимандрит Николай, тогда еще бывший священником. Десять лет таил Колмахелидзе злобу; теперь он услышал, что

архимандрит Николай является кандидатом в епископы. И вот, он избрал день мести. Он вызвал архимандрита из заседания Синодальной конторы и тут же всадил ему нож в сердце. Владыка Владимир успел принять только последний вздох и благословил несчастного, а когда возвращался в свой дом, рядом с конторою, то как раз перед его приходом во дворе, в кустах, пойман был псаломщик – грузин с кинжалом, готовившийся расправиться и с экзархом. Я видел Владыку Владимира непосредственно после всего происшедшего: это было прямо чудесное спокойствие духа, которое дается только глубокою верою и спокойствием чистой и праведной совести».

В 1895 году архиепископ Владимир был награжден бриллиантовым крестом на клобук, в 1896 году – пангией, украшенной драгоценными камнями. 21 февраля 1898 года архиепископ Владимир был назначен на Московскую кафедру и возведен в сан митрополита. Совершая в Казанском храме в Тифлисе последнюю службу, митрополит Владимир сказал: «Пастыри Церкви первее всего обязаны учить свою паству, и учить не одним словом или проповедью, но еще более делом, добрым житием, личным примером.

Совершайте же службу Божию истово, неспешно, благоговейно и разумно, памятуя, что *проклят всякий, творящий дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10)».

Начав свое архипастырское служение в Москве, митрополит Владимир применил здесь весь тот опыт, который он приобрел в предыдущей деятельности. И прежде всего, он призвал духовенство чаще совершать богослужения и произносить проповеди. Для этого он открыл новые вакансии при столичных приходах и пригласил туда талантливых проповедников. На первых порах это не вполне понравилось столичному духовенству. Но и митрополит Владимир знал, что всякое, даже очень дельное и положительное распоряжение, оставаясь только административным, в лучшем случае не принесет плодов, а часто может принести и худые, настроив подчиненных против руководителя и вырыв между ними такую пропасть непонимания, которую потом трудно будет преодолеть. Единственное средство сделать свои распоряжения действенными – это самому первому их исполнять, ибо давно известно, что легче сказать, чем осуществить сказанное, что большое различие бывает между сказанным и сделанным: сказанное за минуту может потребовать для своего осуществления всей жизни. Потому-то того только и действен совет, кто на деле осуществляет то, что советует. И митрополит Владимир сам принялся осуществлять то, что он распорядился делать другим. Он сам стал проповедовать так, как не проповедовал еще ни один Московский митрополит до него. Каждую неделю он регулярно проповедовал на Троицком подворье, и проповеди эти печатались в периодической прессе.

Редактор одного из лучших общественно-церковных журналов того времени, созданного при непосредственном участии митрополита Владимира, писал о нем: «Печатное слово в наше время приобрело колоссальную силу. Оно и мертвит, но оно может и живить человека и целые народы. Владыка прекрасно это сознавал. Он видел, что мертвящее печатное слово небывало растет в России, а животворящее лишь кой-где журчит. И вот он сам выступает на литературную ниву. Он с поразительною литературною плодовитостью откликается в печатном слове на все животрепещущие вопросы нашего времени: вопросы социальные, государства, общества, семьи, личности; вопросы богатых и бедных, рабочих и работодателей, труда и капитала; вопросы религии и морали, веры и науки, веры

и неверия; вопросы трезвости, церковной дисциплины... – все это находит для себя разрешение в печатном слове Владыки, и это слово он в огромном числе экземпляров издает и раздает бесплатно народной массе, рабочим, учащимся, пастырям...»

Исключительно благодаря заботам и попечению митрополита Владимира, в Москве в 1903 году был открыт Епархиальный дом, в котором был возведен храм во имя святого равноапостольного великого князя Владимира; впоследствии этот дом по прошению московского духовенства к Святейшему Синоду получил название Владимирского в честь своего создателя митрополита Владимира. Владимирский епархиальный дом стал центром просветительской и миссионерской деятельности в Москве. В нем все духовенство Москвы поочередно совершало богослужения и произносило проповеди. Ответственным за проповедническую деятельность был поставлен протоиерей Иоанн Восторгов.

По воскресным дням здесь совершалась вечерня с акафистом при общенародном пении, а после богослужения проводились беседы религиозно-нравственного содержания. В конце бесед бесплатно раздавались брошюры на различные темы. Зачастую владыка сам принимал участие в этих беседах.

В Епархиальном доме разместились многие благотворительные учреждения, редакции духовных журналов, Кирилло-Мефодиевское Братство с Епархиальным училищным советом, книжный магазин и склад изданий отдела распространения духовно-нравственных книг, библиотека с читальным залом, православное миссионерское общество, попечительство о бедных духовного звания и другие епархиальные учреждения. В большом зале проводились богословские чтения, чтения для рабочих, лекции, беседы и духовные концерты.

Миссионер Московской епархии Иван Георгиевич Айвазов, подводя итог деятельности митрополита Владимира в Москве, писал: «Прежде всего в Москве и в епархии была введена и оживлена церковная проповедь, открыты для народа после вечере с молебствиями и акафистами внебогослужебные собеседования с раздачею религиозно-назидательных брошюр, заведены особые религиозно-просветительные и назидательные чтения для народа, для детей улицы, для учащихся низших и средних школ, специальные чтения для фабричных рабочих в народных домах и публичные богословские чтения для интеллигенции. Высоко ценя специальную миссию в Церкви, имеющую целью борьбу с расколом, сектами, социализмом и атеизмом, владыка открывает четыре должности епархиальных миссионеров, заводит специальные миссионерские беседы с отщепенцами от Церкви, открывает многочисленные народно-миссионерские курсы... куда... он сам приезжает и до 11 часов ночи проверяет успехи курсистов из фабричных рабочих, насаждает церковно-народные хоры, учреждает: миссионерское Братство во имя Воскресения Христова и его отделы в епархии, специальный Московский Епархиальный Миссионерский Совет, Братство святителя Алексия при Чудовом монастыре, расширяет деятельность противораскольничьего Братства святителя Петра, открывает ежегодные епархиальные миссионерские курсы для духовенства епархии. С целью парализовать натиск сектантства на высшие учебные заведения владыка учреждает “Златоустовский религиозно-философский кружок учащихся” и “Женские богословские курсы”. Развитие сектантства в России привело владыку к мысли о насущной потребности приспособить и нашу высшую духовную школу к служению Православной миссии. И вот он с 1907 года усиленно заботится об открытии в Московской Духовной академии специальной кафедры по “Истории и

обличению сектантства”. Заботы владыки увенчиваются успехом, и такие кафедры открыты... во всех духовных академиях, что составляет величайшую заслугу Московского митрополита Владимира перед Церковью...

Митрополит Владимир

Духовная школа имела во владыке поистине своего отца. Он часто посещал духовно-учебные заведения, заботился и об их материальном благополучии. Он устроил здания для Перервинского духовного училища, переустроил здания духовных училищ Заиконоспасского и Донского, а также и женского Филаретовского, открыл третье женское епархиальное училище при Московском Скорбященском монастыре, построил дом для квартир преподавателей Московской Духовной семинарии... Особою любовью согревая церковноприходскую школу, Владыка устраивал курсы для учительского персонала этих школ, всеми мерами улучшал их материальный быт... Преподавание Закона Божия в светских учебных заведениях всегда было близко сердцу владыки, и он созывал съезды законоучителей для обсуждения насущных нужд по данному предмету».

Митрополит Владимир явился выдающимся церковным деятелем на

поприще борьбы с народным пьянством. «“Московское Епархиальное Общество борьбы с пьянством”, – писал Иван Георгиевич Айвазов, – его многочисленные отделы, его издательская журнальная и другого вида деятельность, наконец... первый под кровом Церкви Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, потребовавший немало средств и всяких забот, – все это плод исключительных трудов и забот Высокопреосвященного Владимира, который вложил в это дело столько инициативы, личных трудов – литературных, организаторских и лекторских, а также и материальных средств, что невольно приходишь в священный трепет при виде этой стройной и громадной работы, запечатленной характером истинного *подвига* в борьбе за *Трезвую Русь*, – я говорю *подвига*, потому что здесь мы имеем дело действительно с *подвигом* абсолютного воздержания митрополита Владимира от всяких спиртных напитков, что служит главным фактором вдохновенной работы и московского духовенства на ниве трезвления народа».

16 июня 1902 года, благодаря трудам митрополита Владимира, в аудитории Императорского исторического музея на Красной площади были открыты общеобразовательные курсы для рабочих города Москвы. Открытие курсов привлекло множество народа, вся аудитория исторического музея, с прилегающими к ней помещениями, была переполнена рабочими, мужчинами и женщинами. Множество рабочих за недостатком места остались около здания музея и на Красной площади. В конце молебна митрополит Владимир обратился к рабочим со словом, в котором, обрисовав нужность и полезность подобных чтений, сказал: «Две силы в мире ведут борьбу из-за господства, – это сила добра и сила зла, и первая всегда встречала и встречает препятствия со стороны полейней. Доказательством сему – Сам Господь, заплативший Своею кровию за любовь к человеческому роду, доказательством тому и целый сонм мучеников, пострадавших за имя Христово. И, однако, не тот прав, кто с отчаянием говорит: “все погибло, ничто уже не поможет”, но прав наш Спаситель, Который говорит: *жатва многа*. Не тот прав, кто везде и всюду видит только зло и неисправимую порчу нравов, но тот, кто усматривает в людях черты, которыми Господь все еще привлекает к Себе народ Свой вопреки всякому противодействию со стороны людей. Так думал, так и поступал и Сам Спаситель. Он никогда не доходил до уныния и отчаяния. Он узнавал черты божественного образа и в самых отъявленных и отверженных грешниках, Он не обходил Своим вниманием и участием и фарисеев, и саддукеев. Он имел любовь к людям, которая *всему веру емлет, вся уповает и вся терпит*. Только такая любовь имеет ключ к сердцу человека. Только эта любовь имеет веру в неизгладимое благородство души человеческой, которая, будучи по природе своей христианкой... томится о Боге и без Него не может жить, хотя иногда и сама того не знает. Спаситель хорошо знал это ее свойство и с полным успехом пользовался им, показывая пример и ученикам Своим. Он, а затем и ученики Его, ревностно сеяли семена слова Божия на этой восприимчивой почве, и какая чудная жатва вышла из этого посева, особенно в языческих странах! Какое изумительное зрелище представили собою те христианские общества, которые образовались здесь под влиянием христианской проповеди. В мире, полном суеверия и неверия, безбожия и нечестия, возникло в лице этих обществ новое человечество, исполненное живой веры в Вечного Бога и такой пламенной любви к Нему, которую не могла погасить никакая сила мира. В мире, утратившем всякое сознание греха, полном грубого разврата и безнравственности, возникло новое человечество, самоотверженно

распинающее плоть свою со страстями и похотями. В мире, исполненном жестокости и варварства, в котором замерли, казалось, все нежные движения сердца, зародилось человечество, проникнутое самою крепкою и самою живою любовью, которая простирается на все, что только носит на себе название человека, которая милует и врага, прощает и неприятелю. Вот почему апостол Павел вправе был сказать: *“ветхое прошло, смотри – все сделалось новым”*».

Конец XIX и начало XX века явились для России временем переустройства хозяйственной и государственной жизни. Стали меняться сословные, правовые, земельные и хозяйственные отношения, и за несколько десятилетий столичные города оказались заполненными мастеровой молодежью. Приехав в города на заработки и для приобретения профессии, она оказалась в вертепе безнравственности и разврата. Городское общество, образованное и необразованное, богатое и нищее, все в значительной степени развращенное, ничего не могло дать этой деревенской молодежи, как только погрузить ее в омут разврата и обратить в тот анархический и противогосударственный элемент, который разрушит впоследствии государственный строй. Ни общество, ни государство не осознали глубину совершившихся перемен, и Церковь оказалась лицом к лицу с уже свершившимся фактом, когда многие граждане страны стали представлять значительную по количеству, необразованную по качеству и безрелигиозную по преимуществу толпу.

29 декабря 1907 года митрополит Владимир положил начало Златоустовскому религиозно-философскому кружку учащихся, нашедшему себе приют в Епархиальном доме. Кружок ставил своей целью «содействовать распространению религиозно-философских идей среди учащейся молодежи, в духе строго-православно-христианском, по руководству Святой Церкви».

30 декабря 1910 года митрополит Владимир, обратившись во время собрания кружка к верующей молодежи, сказал: «Кто не может подавать пример благочестия дома, тот не может быть учителем и в Церкви Христовой. Недостаточно для цехового или другого какого-нибудь сословия, если член его умеет кроить, шить, кузнечить, плотничать, строить здания или торговать. Он должен быть – и это главное – истинным христианином. Но готовится ли, спросим мы, наше юношество к этой цели? Начнем с того: сколько найдется между нашими подмастерьями, приказчиками, половыми в гостиницах таких, у которых есть Библия или, по крайней мере, хоть Новый Завет? Из сотни едва ли найдете и одного. Большая часть из них совсем и не заглядывает в Библию. Катехизис, если он и изучался когда-нибудь ими, забыт. Церковь для них по большей части не существует. По целым годам они сюда и не заглядывают. Если заглянуть в наши исповедные книги и поискать здесь этого рода исповедников, то едва ли можно насчитать из десятков тысяч и одну сотню. Что же они делают? День отдают работе, первую половину воскресенья или праздника тоже, а вечер удовольствиям. Не таким, где не забывается страх и закон Божий, а таким, последствием которых бывает растрата сил физических и духовных. Но и во время работы в будничные дни – что служит предметом для их разговоров? Предметы нечестия, неверия и безнравственности. Если вступает в среду их новичок, у которого цело еще религиозное чувство, то он чувствует себя здесь, как Даниил в пещере львов. Скажи он только хоть одно слово о грехе, покаянии и искушении, как его тотчас же осыпят, как градом, насмешками. Могут ли из такой среды выйти впоследствии серьезные отцы для семейства и верные, твердые граждане для государства? В песке и тине не растут дубы, – они требуют более

твердой почвы. Что же выходит из-под такого влияния? Юноши, которые забыли своего Бога и Спасителя и своих родителей...

Для приобретения научных знаний и внешнего просвещения нашего юношества забот полагается много, а для внутреннего, духовного просвещения очень мало. Один сваливает эту заботу на другого, и никто почти ничего не делает. Кто же должен это делать? Все должны дружно взяться за это дело. И правительство, и Церковь, и граждане, и господа фабриканты, родители и учителя...

Мы жалуемся, что у нас нет сейчас людей сильных духом и волею, жалуемся, что ныне нет людей, на верность коих можно было бы положиться, что слова и обещания у всех, как трость, колеблемая ветром; жалуемся, что наше поколение колеблется от всякого ветра общественного мнения, что нет у нас людей, которые готовы были бы на всякое самоотвержение или подвиг ради своих ближних. Затихнут эти жалобы, если слово Божие воздействует в сердцах нашего подрастающего юношества при большем усердии к нравственному воспитанию их со стороны тех, под руководством коих они находятся. Тогда сердце их будет крепко и вера сильна. Тогда явятся и мужи силы, ибо только Господь делает мужа».

Видя, с какой быстротой распространяются в среде рабочих идеи безбожного социализма и коммунизма, митрополит Владимир одним из первых из числа архиереев выступил на миссионерское поприще, разъясняя народу пагубность этих идей, разбирая их с христианской и научной точек зрения.

За пятнадцать лет своего служения в Москве владыка посетил все московские святыни, везде служил, везде проповедовал, во многих собраниях выступал с лекциями. Протоиерей Иоанн Восторгов так свидетельствует об этом: «С изумлением мы видели, как в праздничный день объезжал он, не зная усталости, свой кафедральный, первый по величине в России град, служил и молился в трех-четырех местах, успевал потом посетить и религиозные собрания то людей образованных, интересовавшихся высшими вопросами жизни церковной, то простецов веры, жаждавших слова наставления в трезвости, в христианских добродетелях».

Чтобы подъять этот чрезвычайный для человеческой немощи труд, владыка совершенно отказался от отдыха. Каждый день он вставал рано утром, а ложился в полночь, а то и позже; по делам он принимал с 9 часов утра до позднего вечера, оставляя во весь день только перерыв для обеда и получасового отдыха.

23 ноября 1912 года владыка был назначен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским, первенствующим членом Святейшего Синода. Он не желал этого назначения и согласился только после письма к нему императора Николая II. Перед переездом в Санкт-Петербург он приехал помолиться у святынь древнего Новгорода. Было заметно, что владыка скорбел, и на вопрос епископа Новгородского о причинах скорби ответил: «Я привык бывать там в качестве гостя, но я человек не этикетный, могу не прийти там “ко двору”; там разные течения, а я не смогу следовать за ними, у меня нет характера приспособляемости».

С 30 ноября по 10 декабря 1912 года Москва прощалась с митрополитом Владимиром. За это время с ним встретились главы всех церковных и религиозных учреждений, в создании которых он непосредственно участвовал, и для всех стало особенно очевидно величие его деятельности и его подвига, который он нес в течение пятнадцати лет. Сбылись о нем слова митрополита

Санкт-Петербургского Антония (Вадковского): «Если Господь приведет митрополита Владимира пожить там долго, то его чистая душа, его безукоризненная жизнь и ревность о Церкви стяжают ему постепенно такой же авторитет в Москве, каким пользовался митрополит Филарет».

Выслушав речи и адреса, с выраженными в них чувствами любви, восхищения и благодарности, митрополит Владимир в ответном слове сказал: «В настоящее время я чувствую истинную радость, но не потому, что эти приветствия льстят моему самолюбию, исконному врагу нашего спасения, – свидетельствую это моей архиерейской совестью, – радуюсь потому, что из вашей любви я усматриваю вашу любовь к Пастыреначальнику. Он – наша жизнь, Он – задача нашей жизни, Он – альфа и омега. В наше время лукавства и безверия я с удовольствием вижу, что вы свободны от современного недуга лжи, маловерия и безразличия. Призываю благословение на вас. Да укрепит Господь вас в вере! Призываю благословение на миссионеров и желаю развития вашей полезной деятельности. Пусть этот Епархиальный дом светит, как звезда над землею, маяк над водою и свеча во тьме!»

9 декабря митрополит Владимир в последний раз служил в Успенском соборе в Кремле. Во время проповеди он попрощался в алтаре со всем многочисленным находящимся здесь духовенством и с синодальным хором. По окончании литургии владыка обратился ко всем присутствующим со словом, обнаружившим в нем искреннюю, простую и любвеобильную душу, в котором звучала любовь к пастве, к людям, к златоглавой Москве: «В жизни каждого человека нет тяжелее минуты, как минута расставанья с людьми, с которыми он был связан узами духовного родства, как в данном случае для меня является любимая мною московская паства, среди которой я пробыл пятнадцать лет. Много за это время было пережито и радостных, и печальных дней. Пришлось пережить и японскую войну, и смуту. Пришлось переживать и страшные стихийные бедствия: бурю и наводнение, причинившие массу бедствий городу Москве. Всякому известно, что несчастные события скорее всего скрепляют добрые отношения между людьми. Оно так и случилось. Я сжился с Москвою и твердо уже рассчитывал служить на кафедре Московской до конца моей жизни и здесь же сложить и свои кости. Но Всеблагий Господь судил иначе. Я верую, что Промысл Божий все делает ко благу человека; может быть, это перемещение меня принесет общую пользу. Может быть, на новом месте обновится моя энергия, обновится мой дух, чтобы исполнилось слово Писания: “Не имамы зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем”. Может быть, мой преемник на Московскую кафедру больше принесет пользы, нежели я. Он исправит неоконченное и проведет в жизнь новые благие начинания.

И вот теперь я скажу с сердечною скорбью: прости, любимая, златоглавая, первопрестольная, белокаменная Москва. Видит Бог, я любил тебя всей полнотой своей души. Любил я этот златоглавый, полный священных воспоминаний русской старины, русский Кремль, где совершились выдающиеся события из русской истории. Любил я этот святой, полный драгоценных святых, храм. Любил я и другие храмы Москвы, где наши благочестивые предки приносили молитвы в тяжелые минуты жизни России, коих так много было в Москве. В этих храмах так уютно, тепло, все в них располагает к молитве, в них слышится голос предков – основателей великой России.

Прости меня, особенно мною любимый храм Христа Спасителя, краса не

только России, но и всего мира. Твой величественный вид невольно напоминает величие Творца, твоя высота к небу возвышает дух к молитве.

Простите меня и сонм моих помощников. Скажу, что все, что сделал я полезного для паствы, сделано благодаря вашему голосу и указаниям. Вы всегда старались делать все полезное для блага паствы и служили не только за страх, но и за совесть.

Прости меня и вся благочестивая московская паства, которая неопустительно посещала богослужения. Прости меня во всех моих вольных и невольных прегрешениях. У меня всегда было на душе желание никогда никого не оскорблять и не обижать. Но мог ли я, при немощи человеческой, не оскорблять и не обижать делом и словом и помышлением?! Но молю вас, покройте, возлюбленные, вашею любовью грехи мои. Пусть мир и любовь водворятся между мною и вами. И я усердно молю Господа Бога, чтобы Он изгладил из книги жизни все обиды и оскорбления. Мир и любовь оставляю вам. Да благословит Господь по молитвам московских святителей всех вас».

В Санкт-Петербурге митрополит Владимир действовал в том же духе, что и в Москве, поддерживая все благие начинания и добрых тружеников на ниве Христовой; кроме того, в Санкт-Петербурге ему пришлось быть организатором многих официальных мероприятий, как, например, проведение празднования в честь 300-летия дома Романовых. В знак благодарности за труды владыка был пожалован Императором крестом для предношения в священнослужении.

Митрополит Владимир вместе со всем царствующим домом Романовых участвовал и в торжествах прославления священномученика Ермогена, Патриарха Московского, которому в значительной степени обязана и сама Россия сохранением в Смутное время государственности и православия. Ко времени прославления Патриарха Ермогена уже была разработана программа Поместного Собора и сформулирована необходимость восстановления незаконно попорченного государственной властью канонического церковного строя; прославление Патриарха Ермогена было как бы последним призывом священномученика – восстановить Патриаршество! Перестать государственной власти попира́ть православие! «Благословляю всех довести начатое дело до конца, ибо вижу поправление истинной веры от еретиков и от вас, изменников, и разорение святых Божиих церквей, и не могу слышать пения латинского в Москве... Везде говорите моим именем, моим словом... Всем вам от меня благословение и разрешение в сем веце и будущем. Стойте за веру неподвижно, а я за вас Бога молю», – писал Патриарх Ермоген. Только такой голос, только такая вера могли сохранить государственность. В чрезвычайных условиях гибнущего государства и поступок, избавляющий от этой гибели, должен быть чрезвычайным, требующим большого мужества и широты взгляда – не вообще образованного и космополитического, а широты русского православного взгляда. А его-то и не было тогда, оттого и не виделась близость катастрофы, оттого и не виделось, что выход – в чрезвычайном личном поступке того, кто по занимаемому им положению мог его совершить. Но таких не было ни среди церковно, ни среди государственно власть имущих. И жизнь подвижника уходила хотя и в важные сами по себе вещи, но для его положения и его времени это были частности.

В Санкт-Петербурге, как и в Москве, митрополит Владимир уделял много времени и сил борьбе с пороком пьянства и укреплению в народе духа трезвенности.

Председатель Всероссийского Общества трезвости протоиерей Миртов писал о владыке: «От архипастырского душепопечительного взора... не могла укрыться эта главная опасность, которая больше всего грозит благосостоянию русского народа и твердому стоянию его в вере и жизни христианской. Он видел, что алкоголизм вырос в страшное мировое международное зло и на борьбу с собою должен вызвать все живые охранительные силы каждой страны. Тогда как многие на вопрос о борьбе с этим злом привыкли смотреть с высокомерным невежеством, считая его мелким и недостойным внимания... святитель, вообще не всегда склонный к широким обобщениям, в этом вопросе сумел подняться на точку зрения государственного понимания и считал этот вопрос делом особенной важности и высокого церковно-общественного значения... Он ясно сознавал, что алкоголизм лежит главным камнем преткновения для русского народа на пути к его великому будущему... Мысли о том, что алкоголизм, как ржавчина железа, гложет трудовую энергию народа, его выносливость и терпение, что он расстраивает живые ткани народного хозяйства, вносит разлагающее начало в бытовой государственный уклад, убивает всякое творчество, омрачает сознание, затемняет здравый смысл народный, ослабляет волю народа – эту духовную мышцу его, расхищает и тощит жизнь, делает ее пустыней, где чахнет и замирает всякий светлый порыв, – эти мысли буквально рассеяны во всех его многочисленных речах и докладах, специально посвященных этому вопросу... Впитавший в свое архипастырское сердце такую тревогу... печальник народный не мог спокойно взирать на то, как по необозримому пространству русской земли колышется пьяное море, играя своими зелеными отравляющими волнами и поглощая в своей бурной пучине и нашу государственность, и наше религиозное и национальное чувство... понимал, что алкоголь ведет свою разрушительную работу не только в крови и нервах народа, что он совершает разгром не только его экономических сил, но он вытравливает душу народную, производит разгром его духовных сокровищ... Живой участник всех торжественных организованных выступлений против пьянства, он не отказывался, а охотно ехал в самые трущобные места столицы, где возникала та или другая трезвенная организация, чтобы поддержать ее своим трезвенным сочувствием...»

24 апреля 1915 года Московская Духовная академия за совокупность литературных трудов присудила митрополиту Владимиру степень доктора богословия. На Санкт-Петербургской кафедре митрополит Владимир встретил начало Первой мировой войны и сразу стал принимать участие в благотворительных организациях, созданных для помощи воинам и родственникам убитых на войне.

К этому времени создание представительных учреждений – парламентов, разрушенное государственной властью церковное управление, начавшаяся мировая война окончательно и необратимо поставили государство на край пропасти, когда стали казаться нестерпимыми творящиеся беззакония в виде произвольных перемещений архиереев с кафедры на кафедру и возможность влияния на эти перемещения посторонних лиц, и все это благодаря разрушению Петром I канонического управления Церкви. Митрополит Владимир стал добиваться встречи с императором Николаем II, чтобы лично переговорить по этому вопросу. Узнав о цели предполагаемого визита владыки, обер-прокурор Святейшего Синода Саблер попытался отговорить его от встречи, так как, по его мнению, это была сложная и малоперспективная в смысле ее положительного разрешения тема. Но переговорить с Императором лично – в этом митрополит

видел свой долг, он не считал возможным для себя продолжать молчать. При встрече с Императором митрополит Владимир стал говорить о Распутине, и прежде всего о том, насколько губительно его вмешательство в церковные дела. Император, выслушав владыку, сказал, что, может быть, он во многих отношениях и прав, но Императрица никогда не согласится на изменение положения дел в этом вопросе.

Митрополит Санкт-Петербургский Владимир

Императрица, узнав о разговоре митрополита Владимира с ее мужем, пришла в негодование и, обвинив митрополита Владимира в том, что он плохой верноподданный, потребовала его перевода из столицы.

23 ноября 1915 года последовал указ Императора о переводе митрополита Владимира в Киев с сохранением прав и обязанностей первенствующего члена Святейшего Синода, а на Санкт-Петербургскую кафедру был назначен архиерей по протекции.

Прощаясь с петроградской паствой, владыка сказал: «Выслушайте мой последний и, может быть, предсмертный завет! К вам, дорогие сопастыри, первое слово мое. Больше сорока трех лет Бог судил мне послужить в священном сане. Я много пережил. Испытал и сладкое, и горькое, видел и радостное, и печальное, правда – больше горького и печального. Не без скорби вижу я, как растлевающее веяние времени пытается проникнуть и за церковную ограду...

Обо мне же, прошу вас и молю, молитесь Господу Богу. Нужны мне молитвы ваши. “Житейское море, воздвигаемое напастей бурей”, далеко перекинуло мой челнок, и, к сожалению, не к тихому еще пристанищу, куда входят люди вратами

смерти, а на новое плавание, и плыть предстоит мне не как простому корабельщику, а быть кормчим корабля церковного. Трудно это в наши дни. Помолитесь же обо мне, а над вами да будет Божие благословение».

22 декабря 1915 года владыка прибыл в Киев и сразу же проследовал в Софийский собор. После краткого молебна митрополит Владимир обратился с приветственной речью к присутствующим, почти полностью повторив то, что им было сказано при прощании с петроградской паствой: «Волны житейского моря, по Божию изволению, принесли мою ладью к святому граду Киеву. Призванный быть кормчим духовного корабля киевской церкви, я невольно сравниваю себя с кормчим вещественного корабля, обуреваемого в бурном и безбрежном море страшными волнами. Я ясно представляю себе ту опасность, какой может подвергнуться этот корабль при наличии страшной бури, подводных скал и морских пиратов... Как осторожен должен быть кормчий, сознающий всю ответственность за участь плывущих на корабле! Как зорко должен следить за своими сотрудниками, помыслы которых должны быть сосредоточены на единой общей цели!.. Разве не случается, что слуги кормчего и даже сами плывущие на корабле вступают в заговор с морскими разбойниками и делаются соучастниками их нападения на корабль?»

Однако вся беда в то время и состояла в том, что не было полноправного кормчего у корабля Российской Поместной Церкви, ни тем более Московской, или Петроградской, или Киевской, ибо управление в течение двухсот лет под началом штатских обер-прокуроров невозможно было назвать управлением церковным. А потому и закончилось время долготерпения Божьего. Что не было сделано людьми добровольно, то было сделано по принуждению, и как когда-то руками фараона, так теперь руками безбожников. Управление Российским Церковным кораблем было к началу XX столетия глубоко расстроено, и хороши ли были отдельные кормчие, или они были из рук вон плохи, – каждый из них от Господа получал и свою награду, и свое наказание, в то время как весь корабль со всеми своими кормчими и пассажирами давно устремился на рифы. Слишком долго корабль церковный был прикован к кораблю государственному, который и сам не был прочен, получив значительную пробоину при императоре Петре. Дабы не иметь укора за свои безбожные дела, император Петр, применив насилие, расстроил каноническое устройство Поместной Церкви. Вода, начавшая поступать через пробоину, пробитую Петром, в конце концов затопила все отсеки государственного корабля, и после 1905 года, когда монархия в значительной степени самоупразднилась и оказалась в командирской рубке вместе со своими убийцами, этот корабль можно было считать затонувшим, оставалась лишь видимость государственной жизни и плавания.

Если и была какая историческая задача у первенствующих членов Синода, а ими были в начале XX века митрополиты Антоний (Вадковский) и Владимир (Богоявленский), то она в первую очередь заключалась в том, чтобы освободиться от тянущей на дно цепи противоканонического церковного управления, – в этом был их исторический долг перед Церковью и земным Отечеством, чтобы, хотя бы и лично жертвуя всем, настоять на созыве Поместного Собора Русской Православной Церкви, на восстановлении канонического церковного строя в лице Патриарха, дав возможность православному русскому народу объединиться вокруг своего духовного центра в единственной организации, которую он сохранил сквозь века. В этом было истинное призвание первенствующих в Синоде иерархов, правящих перед революцией. Это не могли осуществить ни

миряне, ни духовенство, ни епархиальные архиереи. Однако никто из первоиерархов не захотел быть подобным Патриарху Ермогену. И тогда Господь силою принуждения заставил если и не обрести необходимое для совершения Его дела мужество, то, по крайней мере, перенести Его страдания – и таким путем, через пролитие крови, войти в Царство Небесное.

Вопрос о восстановлении в России патриаршества был для многих в то время вопросом ясным и очевидным: враги Церкви осознанно противились восстановлению патриаршества, но большинство православного народа скорее недоумевало, почему дело доброе так долго откладывается. По этому поводу публиковалось тогда много статей, и, чтобы стало ясно, как этот вопрос понимался тогда, приведем выдержки из статьи о патриаршестве архиепископа Антония (Храповицкого), напечатанной в журнале «Голос Церкви» в 1912 году.

«Церковь на земле воинствует с внешними ей врагами веры; в настоящее время она воинствует и с внутренними врагами, ибо у нас происходит повторение *ереси жидовствующих* среди мирян и части клира, как и в XVI веке; ересь эта заключалась в нравственном растлении, в цинизме и безверии, возведенными в принцип. Церковь должна воинствовать всем дарованным ей оружием, а наипаче *отлучением*, дабы неверующие кощунники не носили личины людей церковных. Воинство нуждается в военачальнике, а его у нас нет. Православная, на бумаге господствующая, а на деле поработанная паче всех вер, Церковь лишена в России того, что имеют и латиняне, и протестанты, и армяне, и магометане, и ламаиты, – лишена законного главы и отдана в поработение мирским чиновникам, прикрывающимся собранием шести-семи пополюгодно сменяемых архиереев и двух иереев...

Обер-прокурорская власть над архиереями и вообще над Церковью несравненно выше и крепче, чем власть всероссийских патриархов и чем власть министров в своем министерстве... обер-прокурорская власть над Синодом более власти епархиального архиерея над своей консисторией.

Последний, в случае несогласия с консисторским постановлением, должен написать резолюцию, которая остается в бумагах как донос на неправильное или неразумное решение. Если же обер-прокурор не согласен с постановлениями Святейшего Синода, то протокол последнего уничтожается и пишется наново.

Раз прокурор поставлен как ответственное лицо за делопроизводство известного ведомства, то вполне естественно, чтобы он относился к последнему так же, как всякий директор к своему департаменту, как министр – к своему совету при министре.

Не многим даже духовным лицам известно и то, например, что назначение митрополитов, назначение членов Синода, вызов тех и других для присутствия в Синоде и увольнение снова в епархию – зависит исключительно от обер-прокурора, что самого Синода об этом и не спрашивают, а если спросят, то это будет делом личной любезности; точно таким же способом производится награждение архиереев звездами и саном архиепископа...

Итак, единоличный управитель Российской Церкви существует, и притом гораздо более властный, нежели Патриарх, всегда ограниченный собором епископов, – только управитель сей есть простой мирянин, а восстановление *канонического* патриаршества было бы усилением не единоличного, притом совершенно незаконного, управления Церковью, но управления соборного и законного».

Ходатайствуя перед Синодом о созыве Поместного Собора и выборах

Патриарха еще в 1905 году, владыка Антоний (Храповицкий) в докладной записке Синоду писал: «Если бы такое радостное событие совершилось в Великом посту (когда состоялся всеподданнейший доклад Святейшего Синода), то не позже Троицы состоялся бы и законный Собор Поместный с участием Восточных Патриархов, а к осени Святая Церковь процвела бы такою силою благодатной жизни и духовного оживления, что оно бы увлекло паству далеко-далеко от тех зверских интересов, которыми теперь раздирается наша родина, и Самодержавная Власть неколебимо и радостно стояла бы во главе народной жизни. По лицу родной страны раздавались бы священные песнопения, а не марсельезы, в Москве гудели бы колокола, а не пушечные выстрелы, черноморские суда, украшенные бархатом и цветами, привозили бы и отвозили преемников апостольских престолов Священного Востока, а не изменников, не предателей, руководимых жидами; и вообще революции ни тогда бы не было, ни теперь, ни в будущем, потому что общенародный восторг о восстановлении православия после долгого его плена и подступиться не дал бы сеятелям безбожной смуты...

Теперь уже ясно, что врагов восстановления Церкви больше, чем друзей ее, *но если Преосвященные Иерархи решатся стоять за истину до смерти*, то Господь возвратит Поместной Церкви Свою милость, восстановит ее в канонической чистоте и славе и воздаст помраченное двумя веками ее деятельное братское единение с прочими Православными Церквями, дабы завершить радость христиан *Собором Вселенским*, на котором и учение веры будет вновь уяснено в прежней его чистоте и в полном освобождении от западных примесей, и начертание совершенной жизни христиан будет предложено во всей ее нетленной красоте и увлекающей силе.

Со времени составления этой записки прошло шесть лет. Религиозное и нравственное растрепанье русского народа и русского общества идет все глубже с ужасающей силой, польское католичество, немецкий баптизм и русская хлыстовщина отторгают от Церкви десятки тысяч пасомых, а еврейский атеизм и того больше; церковная дисциплина расшатывается в самих основаниях; смелые слова отрицания Церкви раздаются из уст и из-под пера даже священников не только в печати, но и в Государственной Думе, составляются даже союзы духовенства для введения в России реформации; в этом направлении издавались и продолжают издаваться некоторые *духовные журналы*; но зато остаются без достойной отповеди десятки штундистских, латинских, магометанских и хлыстовских журналов и газет, надменно поносящих иерархию и духовенство и несравненно более популярных, чем издания наших академий. Некоторые епархиальные архиереи и многие иереи и иноки борются с церковным растрепаньем, но делают это дело каждый для своей епархии; народ русский не имеет общего пастыря, а Церковь Русская в ее целом не имеет ответственного попечителя, – она является как выморочное достояние, как *res nullius*^{*}, а не как единая Христова рать в борьбе со своими усилившимися и умножившимися врагами: этим дали “свободу совести”, свободу печати, свободу слова, свободу подкупа, подлога, шантажа и клеветы, а “господствующей” Церкви пока не вручено того, что ей дал Божественный Дух, не дана ей глава!.. Но может ли бороться с врагом армия при наличности семидесяти пяти самостоятельных военачальников, не объединенных высшими полководцами? А “господствующая”

^{*} *Res nullius* (лат.) – вещь, никому не принадлежащая, бесхозная вещь.

и воинствующая Церковь и находится-то в таком жалком положении!.. До 1905 года – худо ли, хорошо ли – ее охраняла власть мирская, а ныне она лишена этой охраны, но и себе самой не предоставлена: спутанного по ногам коня охраняли от волков пастухи, а потом отошли и сказали: “борись сам за себя с хищниками”, но ног ему не распутали, уцелеет ли он от волчьих зубов?..»

Хорошо понимая подлинное положение церковной иерархии, будучи сам правящим епархиальным архиереем, ректором трех духовных академий, видя последствия неправильного в каноническом отношении церковного управления, автор докладной записки справедливо предполагает, что и при восстановлении канонического управления Патриарх долго еще будет несвободен, долго еще будет страдать отсутствием мужества, отсутствием воли, стремлением сочетать свои благопожелания с далеко не благими пожеланиями государственных чиновников, как бы действуя в рамках все того же синодального, поработченного государству, управления и тем лишая мужества многих церковных чад – архипастырей, пастырей и православных мирян. Показывая это неминуемое, выработанное двумя веками поработки Церкви государству будущее, автор записки предупреждает, что даже если бы восстановление патриаршей власти состоялось бы при православном главе государства, то есть монархе, то и тогда «высшей власти приходилось бы постоянно прилагать старание о том, чтобы патриархи проникались сознанием своих полномочий, не боялись всех и всего, чтобы громче и смелее поднимали свой голос в стране, хотя бы по чисто духовным, по чисто нравственным вопросам жизни. И конечно, лишь при условии такого дерзновения главы местной Церкви и прочие пастыри ее оставили бы свое преступное молчание пред всякой, даже временной, темной силой крамолы и безбожия...»

Менее месяца пробыл митрополит Владимир в Киеве и 7 января 1916 года выехал в Петроград для участия в заседаниях Святейшего Синода. Впоследствии он большую часть времени, по своему положению первенствующего члена Синода, проводил в Петрограде, так что киевская паства стала в конце концов выражать неудовольствие по этому поводу. В феврале 1917 года в России произошел государственный переворот, Император отрекся от престола, Временное правительство назначило нового обер-прокурора, который попытался заставить членов Синода принимать лишь ему угодные решения, и это довершило неурядицу в управлении Православной Российской Церкви. Митрополит Владимир не согласился с беспорядочными действиями нового обер-прокурора, и тот в ответ уволил всех членов Синода и набрал новых. Беззаконие дошло до своего логического конца, 24 марта 1917 года митрополит Владимир вернулся в Киев.

В это время в Киеве нарастала гражданская и церковная смута, стали активно действовать сепаратистские движения, был организован «Исполнительный комитет духовенства и мирян» и создана должность «комиссара по духовным делам». Встретившись с его представителями, митрополит Владимир заявил им, что «Исполнительный комитет духовенства и мирян» – учреждение самочинное, стремящееся к постепенному расширению своей власти и к захвату ему не принадлежащих прерогатив.

Впрочем, митрополит не отказался вовсе от сотрудничества с этим самочинным учреждением, надеясь направить впоследствии его деятельность в каноническое русло, и потому дал благословение на созыв 12 апреля епархиального съезда духовенства и мирян Киевской епархии. Однако когда

съезд собрался, то стал уже называть себя «Украинским киевским епархиальным съездом духовенства и мирян». Съезд принял постановление, что «в автономной Украине должна быть независимой от Синода украинская церковь».

Никакие вопросы не нашли своего разрешения, и следующий епархиальный съезд планировалось провести в начале августа 1917 года. Митрополит Владимир дал на это свое благословение и перед его началом опубликовал архипастырское обращение к киевской пастве, свое духовное завещание и последнее слово к пастве.

«Великое несчастье нашего времени более всего в том, – писал он, – что считают высшим достоинством быть либеральным в отношении вопросов веры и нравственности. Многие находят особенную заслугу в том, чтобы вселить в души русских людей такое либеральное отношение к вере и нравственности... Они в свое оправдание приводят как будто бы заслуживающие внимания доводы. Они говорят: всякий человек может судить о религиозных вопросах со своей точки зрения и свободно высказывать свои убеждения, каковы бы они ни были, – это дело его совести, должно уважать религиозное убеждение каждого человека. Против свободы веры и совести никто не возражает. Но не нужно забывать, что христианская вера не есть человеческое измышление, а божественные глаголы, и не может она изменяться сообразно с человеческими понятиями, и если человеческие убеждения стоят в противоречии с божественными истинами, то разумно ли придавать какое-либо значение этим убеждениям, считать их правильными и руководствоваться ими в жизни? Мы, конечно, должны терпеть и не согласных с нами и даже явно заблуждающихся, относиться к ним снисходительно, но от заблуждений их должны отвращаться и с заблуждениями бороться и доказывать их несостоятельность. Это должны считать своим долгом и пастыри христианской Церкви, и истинные последователи Христова учения...

К общему бедствию по всей земле русской присоединяется еще наше местное, увеличивающее немало душевную скорбь. Я говорю о том настроении, которое появилось в южной России и грозит нарушением церковного мира и единства. Для нас страшно даже слышать, когда говорят об отделении южно-русской церкви от единой Православной Российской Церкви. После столь продолжительной совместной жизни имеют ли для себя какие-либо разумные основания эти стремления? Откуда они? Не из Киева ли шли проповедники православия по всей России? Среди угодников Киево-Печерской Лавры разве мы не видим пришедших сюда из различных мест Святой Руси? Разве православные южной России не трудились по всем местам России как деятели церковные, ученые и на различных других поприщах, и наоборот, православные севера России не подвизались ли также на всех поприщах в южной России? Не совместно ли те и другие создавали единую великую Православную Российскую Церковь? Разве православные южной России могут упрекнуть православных северной России, что последние в чем-либо отступили от веры или исказили учение веры и нравственности? Ни в каком случае... К чему же стремление к отделению? К чему оно приведет? Конечно, только порадует внутренних и внешних врагов. Любовь к своему родному краю не должна в нас заглушать и побеждать любви ко всей России и к единой Православной Русской Церкви».

Съезд, состоявшийся 8-9 августа 1917 года, выказал крайнюю враждебность как к митрополиту Владимиру, так и к Православной Российской Церкви. Митрополит держался на съезде с крайней степенью терпимости, стараясь ничем не задеть его участников, чтобы съезд действовал в духе мира, но участники

съезда были настроены иначе, и ему пришлось пережить тогда много тяжких обид и огорчений. Во время проходившего 9 августа заседания владыка был настолько оскорблен и пришел в такое расстройство, что, почувствовав себя нездоровым, был вынужден оставить собрание и уехать в Лавру. После его ухода участники съезда тут же истолковали это как бегство главы епархии и выражение крайнего неуважения к собранию. Приехав в Лавру, митрополит лег в постель и несколько часов пролежал неподвижно, так что окружающим показалось, что он близок к смерти.

По окончании работы съезда митрополит Владимир выехал в Москву, где 15 августа 1917 года открылся Поместный Собор Православной Российской Церкви. Собор открылся служением Божественной литургии в Успенском соборе Кремля митрополитом Владимиром в сослужении митрополитов Петроградского Вениамина (Казанского) и Тифлисского Платона (Рождественского). Поместный Собор избрал митрополита Владимира своим почетным председателем, а также председателем отдела церковной дисциплины. Все заседания Собора происходили в Епархиальном доме, устроенном когда-то тщанием митрополита Владимира. В те смутные дни начавшейся государственной разрухи Собор принял решение о восстановлении в Русской Православной Церкви патриаршества. Было проведено несколько туров голосования. Владыка участвовал только в первом туре, так как получил всего тринадцать голосов. Голосованием Собор избрал трех кандидатов в патриархи – архиепископа Харьковского Антония (Храповицкого), архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого) и митрополита Московского Тихона (Беллавина). Окончательный выбор был предоставлен Промыслу Божию. 5 ноября 1917 года в храме Христа Спасителя после Божественной литургии митрополит Владимир вынес на амвон ковчежец со жребиями, благословил им народ и снял печать. Из алтаря вышел старец Зосимовой пустыни иеросхимонах Алексей (Соловьев). Помолившись, он вынул из ковчега жребий и передал его митрополиту Владимиру. Владыка громко прочел: «Тихон, митрополит Московский – аксиос!»

В середине ноября 1917 года в Киеве был организован особый комитет по созыву всеукраинского православного церковного Собора духовенства и мирян. Комитет возглавил архиепископ Алексей (Дородницын), проживавший в то время на покое в Киево-Печерской Лавре. На состоявшемся 23 ноября собрании комитет, «обсудив положение православной церкви на Украине в настоящее время, как время отделения украинского государства от русского государства, а также имея в виду провозглашение всероссийского Патриарха, который может распространить свою власть и на украинскую церковь», принял целый ряд радикальных постановлений: организационный комитет по созыву всеукраинского православного церковного Собора переименовывался во «временную всеукраинскую православную церковную раду», а исполнительный комитет по созыву всеукраинского православного церковного Собора – в «президиум временной всеукраинской православной церковной рады», которая провозглашалась «временным правительством для всей украинской православной церкви». Это правительство назначило своих комиссаров в консистории всех украинских епархий. Всеукраинская Церковная Рада воспретила своему председателю архиепископу Алексею выезжать в Москву, куда он был вызван Патриархом для занятия места настоятеля в одном из монастырей.

Все новообразованные организации были настроены открыто враждебно к

митрополиту Владимиру и выступили с требованием не допускать его в Киев.

Подобного рода деятельность национальных сепаратистов встревожила православное население Киева, и 24 ноября 1917 года состоялось многолюдное собрание Союза православных советов города Киева. Собрание постановило «протестовать против антиканонической попытки создать автокефальную украинскую церковь, что может привести ее сначала к унии, а потом и к полному подчинению ее Римскому папе», и признало «пребывание Киевского митрополита вне Киева в такое тревожное время нежелательным явлением, тем более, что на всероссийском церковном Соборе его мог заменить один из киевских викарных епископов».

В начале декабря из Киева в Москву прибыл один из викариев с просьбой к митрополиту Владимиру вернуться в Киев, так как дальнейшие события на Украине грозят церковным расколом. По прибытии митрополита в Киев, вечером 4 декабря состоялось многолюдное собрание, созванное по инициативе Союза православных приходов города Киева, под председательством митрополита Владимира, в присутствии прибывшего из Москвы представителя Патриарха – митрополита Платона, экзарха Кавказского. Перед началом собрания делались попытки сорвать его; некоторые из собравшихся кричали, чтобы митрополит Владимир возвратился в Москву, но владыке все же удалось открыть собрание, которое прошло вполне благополучно.

Митрополит Владимир совершил торжественное богослужение в Златоверхо-Михайловском монастыре по случаю празднования дня памяти святой великомученицы Варвары. Православная паства выразила свое сочувствие архипастырю и удовлетворение по поводу его возвращения в Киев. Однако были группы иного настроения, которые выказали свое отрицательное отношение к владыке громкими выкриками во время богослужения.

9 декабря 1917 года в два часа дня в покои митрополита явилась вместе с каким-то военным группа духовенства и заявила, что она исполняет поручение Центральной Рады. Пришедшие передали постановление Рады о том, чтобы из Киева был удален епископ Чигиринский Никодим (Кротков) и вступили в должность члены консистории вновь назначенные Радой, а также было предложено покинуть Киев и самому митрополиту Владимиру. Желая получить от них письменное свидетельство об этих требованиях, митрополит попросил своего секретаря записать их и чтобы члены пришедшей делегации подписались под ними, но те категорически от этого отказались.

В эти же дни к митрополиту Владимиру явилось несколько священников из законоучителей средних учебных заведений, которые потребовали, чтобы он уехал из Киева. Один из священников города Киева, Липковский, явился к епископу Каневскому Василию (Богдашевскому), викарию Киевской епархии, и предложил ему взять на себя управление Киевской митрополией, что тот с негодованием отверг. Тогда Липковский заявил ему, что митрополит Владимир в любом случае будет удален из Киева, равно как и его викарные епископы – Никодим (Кротков) и Назарий (Блинов).

К этому времени по приходам Киевской епархии было разослано распоряжение о поминовении в церквях за богослужением Всеукраинской Церковной Рады, возглавляемой архиепископом Алексием (Дородницыным); распоряжение было скреплено печатью киевской духовной консистории и подписано священником, назначенным Радой комиссаром. Противодействуя этому беззаконию, митрополит Владимир распорядился, чтобы члены духовной

консистории составили документ, что для епархии имеют значение только те распоряжения консистории, которые будут подписаны действительными ее членами. После этого назначенные Радой комиссары явились в консисторию и заявили, что все подписавшие этот документ члены консистории увольняются, а на их место назначаются новые.

В декабре 1917 года между 10 и 12 часами ночи в покои митрополита в Лавре пришел член церковной Рады, священник, в сопровождении военного и стал предлагать митрополиту Владимиру патриаршество в украинской церкви. Митрополит выразил удивление по поводу перемены отношения к нему, но вслед за этим посетители потребовали от него, чтобы он из церковных средств выдал им сто тысяч рублей. Митрополит возразил, что эти средства принадлежат всей епархии, которая одна только и может распоряжаться ими. Они стали угрожать владыке, и он был вынужден пригласить через келейника монастырскую братию, чтобы удалить непрошенных гостей, что и удалось сделать часа через полтора.

Об идейном настрое митрополита в то время и его душевном состоянии свидетельствует рассказ очевидца, подпоручика Кравченко, бывшего на приеме у владыки 12 декабря 1917 года, к которому владыка обратился с такими словами: «Я никого и ничего не боюсь. Я во всякое время готов отдать свою жизнь за Церковь Христову и за веру православную, чтобы только не дать врагам ее посмеяться над нею. Я до конца жизни буду страдать, чтобы сохранилось православие в России там, где оно началось». – И, сказав это, архипастырь горько заплакал.

Описывая позицию митрополита Владимира по отношению к предстоящему украинскому Собору и предложениям покинуть Киев, православные авторы тех лет свидетельствуют, что он противился созыву украинского Собора из-за неправильной в церковном отношении процедуры созыва Собора, и главным образом потому, что это было требованием «группы людей, собравшихся в украинской церковной Раде под главенством архиепископа Алексия (Дородницына), которого он считал величайшим и тяжким церковным преступником и мятежником». Однако привычки, приобретенные во время, по сути столь же незаконного, обер-прокурорского правления, были настолько укоренены, «что если бы законное правительство Украины, – свидетельствовали современники, – предложило ему оставить Киевскую митрополичью кафедру, то он немедленно и беспрекословно сделал бы это», как будто требование – на сию минуту законного гражданского правительства – оставления архиереем церковной кафедры могло стать законным, как будто церковное право могло быть одной сути с правом гражданским, а источником власти церковной – власть светская, – таково было весьма тяжелое, столетиями копившееся мертвящее наследие синодальной эпохи.

Прибывшие в Киев из Москвы епископы украинских епархий признали Центральную Раду правомочной созвать украинский церковный Собор, начало заседаний которого было назначено на 8 января 1918 года. 2 января митрополит Владимир после литургии при почти полном отсутствии молящихся совершил торжественный молебен на Софийской площади. 7 января после литургии и молебна на той же площади митрополит обратился к участникам Собора с приветственным словом и завершил его молитвой о ниспослании благословения на труды Собора. На другой день митрополит, открывая деяния Собора, обратился к членам Собора со словом, в котором призвал их к осторожной,

серьезной и вдумчивой работе в духе мира, любви и единения со всей Православной Восточной Церковью вообще и в особенности со Всероссийской Православной Церковью.

Собор отверг кандидатуру митрополита в качестве председателя Собора, избрав его лишь почетным председателем, председателем же был избран епископ Балтский Пимен (Пегов).

Митрополит Владимир участвовал во всех заседаниях Собора, детально вникал в его дела и шел навстречу соборным нуждам, в частности выделив 60 тысяч рублей на содержание членов Собора.

Участник Собора епископ Черниговский Пахомий (Кедров) писал о митрополите Владимире: «Особенно большое утешение доставила... владыке усердная молитва членов Собора в Лавре 14 января. В этот день митрополит Владимир с несколькими другими иерархами и священниками – членами Собора совершил Божественную литургию в Великой лаврской церкви, причем и все другие члены Собора с великим усердием молились за этой литургией, а потом поклонялись печерским угодникам, почивающим как в Ближних, так и в Дальних пещерах. Эта усердная молитва членов Собора умиротворила их дух и доставила великую духовную радость... киевскому первосвятителю».

Гражданская война и приближение к Киеву большевистских войск дали о себе знать в Лавре 14 января 1918 года, когда на ее территорию залетел первый снаряд. 16 января на территорию Лавры стали залетать ружейные пули, но, по дальности расстояния, они не причинили никому вреда. 17 января с утра поднялся гул и свист от ружейных пуль, пулеметов и орудий. Митрополит Владимир в сослужении епископов Прилукского Феодора (Лебедева) и Балтского Пимена (Пегова) и старшей братии Лавры совершил литургию в Великой лаврской церкви под непрекращающийся грохот орудий. Перед литургией был отслужен акафист Успению Божией Матери. На всех присутствующих произвело большое впечатление, с каким спокойствием держался митрополит.

Ввиду начавшихся боевых действий первая сессия украинского Собора 19 января была прервана, а открытие второй сессии было назначено на май. Ни митрополит Владимир, ни председатель Собора епископ Пимен уже не участвовали в последнем заседании Собора, так как находились в то время в Лавре, отрезанной военными действиями от остальной части города.

18, 19 и 20 января продолжался обстрел той части города, в которой находилась Лавра; обстрел стал причинять всё большие повреждения лаврским зданиям. 21 января, в воскресенье, обстрел города несколько ослабел и митрополит Владимир совершил Божественную литургию в Великой церкви Лавры в сослужении старшей братии монастыря.

22 января обстрел снова усилился и достиг своего апогея 23 января, когда Лавра оказалась под непрерывным огнем, так как большевистские разведчики доносили, будто с лаврской колокольни ведется обстрел большевистских отрядов, чего в действительности не было. Во время ураганного обстрела Лавры 23 января в одну из икон попала шрапнельная пуля; пробив стекло, она вошла в икону, в область сердца Богоматери, – это был образ Казанской иконы Божией Матери. Вид этой иконы впоследствии произвел потрясающее впечатление не только на верующих богомольцев, но и на большевиков, которые с изумлением останавливались перед ней.

Вечером 23 января большевики овладели Лаврой, и, по свидетельству очевидцев, в «ней начались такие дикие насилия и проявления варварства, перед

которыми бледнеют известные нам из древних летописей сказания о грабежах и насилиях, производившихся дикими монголами во время разорения Киева и Лавры в 1240 году. Вооруженные толпы людей врываются в храмы, с шапками на головах и папиросами в зубах, производили крик, шум и безобразия во время богослужения, произносили невыразимые ругательства и кощунства над святыней, вламывались в жилища монахов днем и ночью, стреляли над головами... избивали стариков, грабили что только попадалось под руку, останавливали монахов днем на дворе, заставляли их раздеваться и разуваться, обыскивали и грабили, издевались и секли нагайками... Подобные насилия происходили в течение всего дня 24 января».

Митрополит Владимир до 23 января жил в верхнем этаже митрополичьих покоев, а 23 января по совету близких он перешел жить в нижний этаж, куда пригласил епископа Прилукского Феодора. Сутки они провели в алтаре нижнего храма во имя святителя Михаила, первого митрополита Киевского.

24 января, перед литургией, митрополит Владимир отслужил в Великой церкви акафист Успению Божией Матери. По наблюдениям сослуживших с ним, чтение акафиста митрополитом в этот день отличалось особенной проникновенностью и задушевностью.

Около полудня 24 января в трапезную Лавры явилось четверо солдат, которыми руководил предводитель, одетый в кожанку и морскую фуражку. Главарь остался недоволен черным хлебом, который был подан к обеду. Бросив хлеб на пол, он заявил:

– Разве я свинья, чтобы есть такой хлеб?!

– У нас, господа, лучшего хлеба нет, какой нам дают, такой и мы подаем, – ответил монах.

Та же группа солдат пришла ужинать в Лавру около пяти часов вечера того же дня, причем их предводитель в кожанке был уже полупьян. Он между прочим сказал: «Нужно сделать здесь что-либо особенное, замечательное, небывалое».

Ночь под 25 января вся Лавра провела без сна. Всю ночь братией непрерывно служились молебны и пелись акафисты. В эту ночь было совершено нападение четырех вооруженных мужчин и одной женщины в одежде сестры милосердия на квартиру наместника, которая была ими ограблена, затем те же люди ограбили казначея и благочинного.

25 января с раннего утра возобновились грабежи и насилия в Лавре со стороны вооруженных отрядов большевиков. Около трех часов дня трое солдат осмотрели помещения лаврской квартиры митрополита. Найдя несгораемый сейф и ключ от него, они потребовали, чтобы им открыли сейф, и, осмотрев его, забрали золотую медаль, а затем произвели обыск в нижнем этаже покоев.

Около шести часов вечера те же четверо солдат, предводительствуемые человеком в кожанке, вошли в северные ворота Лавры, и их предводитель спросил проходившего по двору монаха:

– Где митрополит живет?

– Дом его – около того места, где вы кушаете, там он и живет, – ответил монах.

– Мы его сегодня заберем, – сказал предводитель.

Затем они прошли в монастырскую трапезную ужинать. После ужина, когда они собирались уже уходить, их предводитель, обращаясь к одному из бывших здесь лаврских монахов, сказал:

– Больше вы митрополита не увидите.

В половине седьмого вечера они подошли к дверям квартиры митрополита и позвонили. Дверь отворилась, они вошли в прихожую, и их предводитель спросил:

– Где Владимир митрополит? Мы желаем с ним переговорить. И, не ожидая ответа, четверо прошли наверх, а один расположился на диване в прихожей.

Монах закричал вслед солдатам:

– Митрополит не наверху, а внизу, пожалуйста сюда.

И он прошел в нижнее помещение, куда за ним прошли и убийцы. Митрополита здесь не оказалось, так как он был в комнате архимандрита Амвросия. Монах и солдаты прошли туда. Навстречу им вышел епископ Феодор, и они спросили его:

– Ты будешь отец митрополит?

Епископ ответил, что нет, и пошел сказать митрополиту о приходе солдат.

Митрополит Владимир вышел в прихожую к солдатам и спросил их:

– В чем дело?

Ничего не ответив, солдаты повели митрополита в нижнее помещение и заперли за собою двери. Разговор занял не более пяти минут, затем дверь отворилась и вышел митрополит, который был заметно взволнован, и, проходя мимо епископа Феодора и архимандрита Амвросия, сказал, разводя руками:

– Вот, они хотят уже расстрелять меня!

– Иди, не разговаривай! Кто тебя будет расстреливать? До коменданта пойдешь! – закричал предводитель.

Монах подал митрополиту легкую комнатную рясу, и он прошел вместе с убийцами в верхний этаж. Поднявшись на первую площадку лестницы, владыка остановился и, обратившись к сопровождавшим его убийцам, сказал:

– Ну, господа, если вам угодно расстрелять меня, расстреливайте здесь же, на месте, – я дальше не пойду.

– Кто тебя расстреливать будет – иди! – крикнул предводитель.

Наверху митрополита и сопровождавших его убийц встретил келейник, он открыл дверь в залу и подал митрополиту ключ, которым тот открыл дверь в спальню, куда вошел сам, а вслед за ним убийцы, келейника в спальню они уже не пустили.

Минут через 15–20 владыка вышел из спальни в сопровождении солдат, в рясе, с пангией на груди, в белом клобуке на голове. Келейник встретил его в передней и хотел подойти под благословение, но предводитель убийц, грубо его оттолкнув, зло сказал:

– Довольно кровопийцам кланяться, кланялись, будет!..

Келейник, однако, решительно шагнул навстречу митрополиту, и тот сам приблизился к нему, благословил, поцеловал и, пожав руку, сказал:

– Прощай, Филипп!

Затем владыка вынул из кармана платок и вытер слезу. По словам келейника, внешне митрополит казался спокойным, как будто он шел на служение литургии.

Другой келейник владыки, иеродиакон Александр, сказал, обращаясь к солдатам:

– Товарищи, куда вы ведете митрополита?

– В штаб для допроса, – ответил один из солдат.

– А где ваш штаб?

– В городе.

- Не на гостинице ли?
- На гостинице – второстепенный штаб, а главный – в городе, на Печерске.
- Тогда владыке нужно одеться, – на дворе зима, холодно.
- Мы говорили ему, чтобы он одевался, он не захотел.
- Дайте одеться – зима, холодно, – сказал митрополит.

Солдаты позволили, митрополиту подали шубу, галоши и посох. Он всех благословил и сказал:

- Прощайте!

Солдаты вывели митрополита на лаврский двор и повели к воротам. Подойдя к углу Великой лаврской церкви, солдаты закурили, и митрополит, остановившись напротив входа в церковь, стал молиться. Дойдя до ворот Лавры, он снова остановился, обратился к иконе святителя Николая и, перекрестившись, поклонился. Затем монах-привратник открыл обе половинки ворот и митрополит в сопровождении солдат вышел из Лавры.

Убийцы усадили его в автомобиль и, проехав с километр, остановились. Солдаты повели митрополита влево от дороги на небольшую поляну между крепостных валов. Митрополит Владимир спросил:

- Что, вы здесь хотите меня расстрелять?
- А что же? Церемониться с тобою? – ответил один из них.

Услышав такой ответ, владыка попросил дать ему время помолиться.

- Но только поскорее! – сказал убийца.

Воздев руки кверху, митрополит стал вслух молиться:

– Господи! Прости мои согрешения, вольные и невольные, и прими дух мой с миром.

Затем он благословил убийц и сказал:

- Господь вас благословляет и прощает.

Не успел он еще опустить руки, как раздались три выстрела, и митрополит Владимир упал. Убийцы подошли к митрополиту вплотную и сделали еще несколько выстрелов, а затем ударили штыком в живот.

Монахи, стоявшие во дворе Лавры, услышав выстрелы, вслух высказали предположение, что это расстреливают митрополита. В это время к ним приблизилась группа более десятка солдат, и один из них спросил:

- Батюшки, провели митрополита?
- Провели через ворота, – ответил монах.

Солдаты выбежали за ворота и минут через 15-20 возвратились обратно. Один из монахов, подойдя к солдату, шедшему позади всех, спросил:

- Нашли владыку?
- Нашли, – ответил тот, – так всех вас по одному повыведем!

Тело мученически скончавшегося митрополита Владимира пролежало до утра следующего дня и было найдено случайными прохожими, которые и сообщили обо всем происшедшем монахам Лавры. Получив разрешение от властей и пропуск на перенесение тела убитого митрополита в Лавру, архимандрит Анфим в сопровождении четырех санитаров с носилками около 11 часов утра пришли к месту убийства. По совершении литии тело митрополита было положено на носилки. В это время появилось человек десять солдат и вооруженных рабочих, они стали ругаться и всячески препятствовать переносу тела в Лавру. Архимандрит Анфим показал пропуск и разрешение. Снова раздались ругательства и выкрики:

- Вы еще хоронить будете его, в ров его бросить, тут его закопать, мощи из

него сделаете, это для мощей вы его забираете!

Архимандрит Анфим велел прикрыть тело владыки шубой и нести, а сам пошел впереди с поднятым крестом. Некоторые из женщин стали вслух говорить:

– Страдалец! Мученик! Царство ему Небесное!

Услышав это, солдаты снова стали ругаться:

– Какое ему царство, ему место в аду, на самом дне!..

Тело убиенного архипастыря было принесено в Михайловскую церковь и после осмотра медиками облачено в архиерейское облачение и положено посреди церкви. Сразу же после этого наместник Лавры архимандрит Климент отслужил вместе со старшей братией панихиду по убиенному митрополиту. В тот же день и в последующие дни были отслужены панихиды как в самой Лавре, так и в приходских храмах Киева.

29 января в 8 часов утра тело убиенного митрополита Владимира было положено в гроб и перенесено в Великую церковь Лавры. После перенесения тела была отслужена литургия, которую совершил митрополит Платон (Рождественский) с епископами – Екатеринославским Агапитом (Вишневым), Черниговским Пахомием (Кедровым), Чигиринским Никодимом (Кротковым) и Балтским Пименом (Пеговым) при сослужении соборных старцев Лавры, священнослужителей – членов украинского церковного Собора и некоторых представителей киевского духовенства.

После совершения отпевания гроб с телом убиенного митрополита был обнесен вокруг храма и крестным ходом перенесен в Ближние пещеры Лавры и погребен в Крестовоздвиженской церкви рядом с митрополитом Флавианом (Городецким).

3, 13 февраля и 5 марта архиерейским чином были отслужены заупокойные литургии по убиенному митрополиту, а также отслужены соборно панихиды наместником Лавры архимандритом Климентом на месте погребения и на месте убийства.

Почти сразу же на месте убийства митрополита Владимира был поставлен крест, на котором время от времени стали появляться венки из живых цветов, приносили их преимущественно по ночам из опасения преследований от безбожников. На месте убийства стали совершаться по просьбам верующих панихиды с участием иногда целых приходов.

Митрополиту Владимиру было посвящено 85-е деяние Поместного Собора Православной Российской Церкви, состоявшееся 15 (28) февраля 1918 года, которое началось панихидой, совершенной Патриархом Тихоном при общем пении членов Собора и многочисленного народа, и было открыто словом Патриарха: «Преосвященные архипастыри, отцы и братие! То ужасное кошмарное злодеяние, которое совершено было по отношению к высокопреосвященному митрополиту Владимиру, конечно, еще долго и долго будет волновать и угнетать наш смущенный дух. И еще, надеемся, много и много раз православный русский народ будет искать себе выхода из тяжелого состояния духа и в молитве, и в других сладостных воспоминаниях о почившем убиенном митрополите...»

После того как завершились гонения на Церковь, продолжавшиеся в течение нескольких десятилетий, Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в 1992 году причислил священномученика Владимира к лику святых. 20 июля того же года были обретены мощи священномученика и положены рядом с мощами преподобных в Дальних пещерах.

Описывая общественно-церковное положение митрополита и стараясь

проникнуть в глубину его душевных переживаний, протоиерей Иоанн Восторгов сказал в своем слове о священномученике Владимире на Поместном Соборе: «Мало кому ведомо, что покойный был поэт в душе, чрезвычайно любил природу, ценил красоту, любил стихи и до старости сам составлял стихотворения. Помню, раз утром, в вагоне, при переезде из Петрограда в Москву, куда он возвращался на пасхальные дни, в бытность еще митрополитом Московским, он признался, что так любит Москву, так рад приезду своему, что всю ночь спал тревожно, и чувства радости и любви к Москве выразил в составленном длинном стихотворении, которое тут же и прочитал нам.

При таком нежном и впечатлительном сердце, естественно, он болезненно переживал события в церковной жизни последнего времени, начиная со дня своего вынужденного перевода в Киев. Эксперименты в церковной жизни митрополита Питирима и Раева, удаление из Синода путем интриги, правление безумного Львова и все, что за сим последовало, кончая событиями на Украине, – все это глубоко потрясло владыку. Но, не будучи по природе человеком активной борьбы, он все более и более уходил, замыкался в себя, молчал и только близким людям жаловался, что остается совершенно одиноким. Тихо и молчаливо он страдал. Думается, не так уж он был и одинок, как ему казалось, были сочувствующие его строго церковному мировоззрению, но эти-то сочувствующие сами ждали, что именно митрополит Владимир даст клич, соберет их около себя, выступит с ярким протестом...»

Многие из членов Поместного Собора спрашивали себя, за что убит проживший праведную жизнь митрополит Владимир, им была непонятна его смерть; живя долго в условиях мира, они тогда еще не понимали, что можно быть убитым как раз из-за праведной жизни. Есть грехи личные, есть сделанное доброе, за что человеку может быть от Господа награда, и над этим митрополит Владимир трудился всю жизнь; а, кроме того, есть еще и не сделанное – то, что человек мог сделать, занимая соответствующее положение, но не сделал. Потому и ответ держит больший тот, кому больше вверено. А никому так много не было вверено, как первоиерарху Поместной Церкви. Не обер-прокуроры несли ответственность за судьбы Церкви, ибо таковой ответственности у них не было по существу их положения, – они для судебных церковного управления были внешней силой и внешними людьми, – а тот, кому вверено, – первоиерарх, хотя бы и номинальный. У каждой исторической эпохи есть своя мера и свои условия, при которых становится возможным исполнить свое призвание на занимаемом месте. Для начала XX века этой мерой стало исповедничество перед номинально православной властью и враждебным, безбожным обществом. Господь принял праведную жизнь митрополита Владимира и за праведную жизнь простил и покрыл любовью все упущенное, должное, но не сделанное и, пожелав его близости Себе, даровал ему как величайшую награду мученический венец и белые одежды.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Реутов православный. 2004. № 1 (3) февраль.
Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь». Тверь. 2005. С. 221-272